

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сельченко Е.К. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре // Актуальные проблемы современного образования: сб. науч. ст. по материалам V Международной научно-практической конференции. Минск, БГУ, 18–19 октября 2018 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. С. 474–484.
2. Фокин И. Л. Учение Якоба Бёме и немецкая философия и культура XIX века: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. СПб: СПбГУ, 2011.
3. Чёртон Т. Гностическая философия. От древней Персии до наших дней. М.: РИПОЛ классик, 2008.
4. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.; Иерусалим, 2004.
5. Бёме Я. О трояственной жизни человека. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2007.
6. Исаев И. А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. М.: Юристъ, 2002.
7. Фокин И.Л. «Вторая Реформация» Якоба Бёме (Протестантское начало в философии Бёме) // Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Том 12. Выпуск 2. С. 88.
8. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Минск: МФЦП, 2002.
9. Арнольд, Г. Готфреда Арнольда Беспристрастная церковная и еретическая история от начала Нового завета даже до 1688 году от Рождества Христова [рукопись] : печатана в Франкфурте на Майне в 1729 году : [перевод книги Г. Арнольда «Unparteiische Kirchen und Ketzer Historie...»]. – кон. XVIII– нач. XIX в. – 238 с.
10. 500 лет гнозиса в Европе: Гност. традиция в печатных и рукописных книгах: [Каталог выставки] во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Москва и Всероссийском музее А. С. Пушкина. Санкт-Петербург. Амстердам: Ин де Пеликан, 1993.
11. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 т. Т.3. СПб.: Наука, 1994.

КРИТИКА ТОТАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

CRITICISM OF TOTALITY IN DISCOURSE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Э.А. Усовская

Elina A. Usovskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: elina-rain@mail.ru

В статье рассматривается проблематика феномена тотальности как аналога тоталитаризма. В центре внимания стоят исследования М. Фу-

ко и Дж. Агамбена. Несмотря на принадлежность к разным направлениям социального знания, их позиции обладают сходством. Оно касается понимания ключевых аспектов детерминаций общества и личности. Особое внимание уделяется биовласти и биополитике.

The article examines the problem of the phenomenon of totality as an analogue of totalitarianism. The focus is on the research of M. Foucault and J. Agamben. Despite belonging to different areas of social knowledge, their positions are similar. It concerns understanding the key aspects of the determinations of society and personality. Special attention is paid to biopower and biopolitics.

Ключевые слова: тотальность; постмодернизм; М. Фуко; Дж. Агамбен; власть; биополитика.

Keywords: totality; postmodernism; M. Foucault; J. Agamben; power; biopolitics.

Феномен тотальности стал одной из центральных категорий истории и науки второй половины XX в. Историческим источником негативности к феномену тотальности служит, прежде всего, катастрофичность первой половины XX в. с двумя мировыми войнами, геноцидом, тоталитаризмом, а также модернистский (модерн, модернизм) тип культуры. Не менее актуальной становится и реальность формирующегося постиндустриального общества. Т. Адорно (в этом плане мысли представителя Франкфуртской школы схожи с постмодернистской рефлексией) констатирует невозможность существования ни свободы, ни культуры как таковых. После Освенцима «любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой – всего лишь мусор. В своих попытках возродиться после всего того, что произошло в ее вотчинах и не встретило сопротивления, культура окончательно превращается в идеологию, которой она потенциально и была, начиная с того самого момента, когда в противовес материальному существованию присвоила себе право нести свет [знания] о том, что разделение духа и физического труда незаконно ущемляет саму культуру» [1, с. 327].

Выразим согласие с мнением Д. Агамбена, который, анализируя разные аспекты существования, смерти, свидетельств в Освенциме и других концлагерях писал: «Освенцим является именно тем местом, где чрезвычайное положение полностью совпадает с нормой, а предельная ситуация становится парадигмой повседневности» [2, с. 52]. Реальный Освенцим превратился в метафору смерти, вернее, невозможности умереть достойно, стал символом дискредитации человеческой цивилизации и не только так называемой Западной, но и Восточной, поскольку тотальность не измеряется европейскими, новоевропейскими, японскими установками, а обладает универсализмом. В то же время западная

культура как культура вопрошания, формулирования новых идеалов и норм оказывается в центре внимания: «Привычным жестом Запад снабжает себя идеалами, вопрошает их и отбрасывает. Этот жест – не единственное дело философии, то есть греческой традиции... Какое бы имя ни давала отрицанию традиция, пользуясь этим именем, она воздвигает претензии на универсальное и обещает охватить весь возможный опыт и осознать его. Абсолютное знание требует для себя законченного нигилизма» [3, с. 63].

Тотальность рассматривается чаще всего как доминанция глобальных идеологических систем в самом широком смысле этого слова, которые выступают в виде метанарративов, глобальных унифицированных словарей, логоцентризма. В транскрипции Деррида тотальность определяется как тоталитаризм, аналогичный феноменам центрированности, омассовления, европоцентризма. Как разновидность проявления монополии на мысль тоталитаризм способствует взращиванию нетерпимости к инакомыслию, любому мнению, сколько-нибудь противоречащему унифицированным стандартам. Любая предзаданная позиция в отношении прочтения текста рассматривается ученым также в качестве тоталитаризма.

Период постмодерна как постсовременности нередко определялся как возможность заката метанарративов и, возможно, в качестве источника детоталитаризации. Так, Лиотар, в частности, полагает: «Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов. Оно является, конечно, прогрессом науки; но и прогресс, в свою очередь, предполагает это недоверие. С выходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции. Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель. Она распыляется в облака языковых нарративных, а также денотативных, дескриптивных и т.п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *sui generis*» [4, с. 10-11]. Это утверждение, тем не менее, представляется в некоторой степени предостережением о возможных последствиях появления бесчисленных микронарративов – потерей целостности как таковой, разрыв между означаемым и означающим, формированием симулятивной «действительности».

Так, согласно Ж. Бодрийяру, симуляция есть «порождение моделей реального без истока и реальности», которая заставляет совпасть все реальное с ее (симуляцией) моделями. Вследствие того, что устраняется всякая соотнесенность, уничтожаются все референты, бессмысленно говорить об «удвоении», об «имитации» и «копировании»: различие

между симуляцией и реальным пропадает [5, с. 54]. Смысл становится симулятивным, гиперреальным. Бодрийяр рассматривает в качестве образчика симулятивности Соединенные Штаты. Америка, на его взгляд, гиперреальна, ибо «представляет собой утопию, которая с самого начала переживалась как воплощенная утопия. Все здесь реально, прагматично и в то же время все погружает вас в грезу. Возможно, истина Америки может открыться только европейцу, поскольку он один здесь совершенный симулякр, симулякр имманентности и материального воплощения всех ценностей ... Все схватывается через симуляцию. Пейзажи – через фотографию, женщины – через сексуальный сценарий, мысль – через письмо, терроризм – через моду и масс-медиа, события – через телевизор. Кажется, что вещи существуют единственно ради этого странного предназначения. Можно даже задаться вопросом, не существует ли сам этот мир только как реклама, созданная в каком-то другом мире» [6, с. 94-98].

Опасность симуляционной действительности кроется в продуцировании симулякром самой действительности. Производимая реальность соответствует симулякру, модели; точность соответствия симулякру чрезвычайно важна и функционирует на уровне «вопрос-ответ»: действие по образцу, по заданной модели-симулякру фактически исключает принцип саморазвития в соответствии с внутренней целью. Связь культуры с «биологической» матрицей бесконечно отстранена, вследствие чего пространство предстает не линейным, а клеточным: оно бесконечно воспроизводит одни и те же сигналы. Итогом развития социокультурного пространства является победа симулякра над историей. Творчество как стихия созидания больше невозможно, ибо свобода заменяется подобием, одномерностью оппозиции или–или.

Тотальность как феномен, пронизывающий все социальные структуры, культуру в целом у Фуко рассматривается сквозь призму властного дискурса. Власть, политическое (в широком смысле слова) распространяется на все области жизни, не имея конкретных точек локализации, обладает характером всеобщности и фактически изначальности. «Под властью, – писал исследователь, – надо понимать прежде всего многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом этих областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются, усиливаются, переворачиваются... Власть – это название, которым обозначают сложную стратегическую ситуацию данного общества» [7, р. 123].

Власть обладает историчностью, и в каждый период развития европейской цивилизации изобретает свои способы репрезентации и кон-

троля. Каждой эпистеме – Ренессансной, классической, современной – соответствует определенный властный дискурс. Поэтому познание, мышление неотъемлемы от власти. Кроме того, дискурс и реальность власти помещается Фуко в жизненное (культуру повседневности) пространство, связанное с сексуальностью, поведением (особенно асоциальным), гигиеной и другими медицинскими практиками. Через них, как и через мышление, каждый тип власти манифестировал и применял для контроля и наказания собственные техники.

Одним из важнейших вопросов для французского ученого стал вопрос о смене власти-господства дисциплинарной властью. Его суть заключалась в том, что произошло с человеком на границах Нового времени как точки отсчета современной эпистемы. Как правило, Просвещение ассоциируется с законностью и правом, равенством всех перед законом. Однако для Фуко новая, дисциплинарная власть, направлена на превращение человека в объект, который необходимо произвести в соответствии с потребностями власти, выдаваемыми за интересы общества. Тем самым осуществляется скрупулезная, методичная, систематическая работа над телами подчиненных власти. Ее цель не во всеобщем послушании, а в продуцировании максимально эффективно, рационально функционирующих людей и их орудий как инструментальных комплексов. Поэтому от власти требуется разработка и внедрение в социальное тело актуальных манипулятивных практик и стратегий, пронизывающих все стороны человеческого существования, в том числе биологическую. Если ранее объектом власти было социальное, то теперь биологическое включается в орбиту контроля и подчинения, надзирания и властвования. Особым институтом контроля является полиция и так называемое полицейское государство.

Категории нормального и ненормального, психически больного (безумного) и психически здорового стали соизмеряться с представлением о социально-политической норме. Возник механизм социальной сегрегации с постепенной изоляцией от общества душевно больных, а затем нищих, попрошайек, бродяг. Вместе с преступниками была создана своего рода социальная девиантная общность, от которой было необходимо оградить общество добропорядочных граждан, что потребовало, в свою очередь, создание особых органов и институций. Фуко констатирует, что в конце XVIII в. состоялось «исчезновение избирательного правосудия в пользу судебно-полицейского аппарата надзора и наказания» [8, с. 114].

Человек потерял целостность: он перестает быть индивидуумом, а полагается как индивид, принадлежащий и контролируемый разными инстанциями. Человек субъективируется, что у Фуко означает превра-

щение субъекта в объект воздействия. Хотя, казалось бы, субъективность полагает самодостаточность, самостоятельность, даже свободу личности. Однако человек уже изначально детерминирован разного рода дискурсами, «языками», «факультетами»; его познание ограничивается рамками социокультурных границ, нормы, дозволенного, выход за пределы которых и подлежит наказанию. Это утверждение справедливо, как было сказано, в полной мере применительно к любым феноменам повседневности, образа жизни, сексуальных практик. Контроль за ними является проявлением ограничения и надзором над телесностью как человеческого существования, эквивалентного жизни.

Поэтому для Фуко именно *Жизнь* стала ставкой в политической игре дисциплинарной власти: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос» [9, с. 247].

Смещение акцентов власти с дискурса надзирания за личностью как социального тела на парадигму контроля над ним как биологическим, живым существом означало переход собственно к биополитике, который был осуществлен во второй половине XVIII в. Ее ключевой характеристикой стал феномен массификации, который осуществлялся властью не в отношении человека-тела, но в отношении человека-рода.

Д. Агамбен устанавливает связь между политической областью, властью и правом. При этом политическое оказалось в состоянии кризиса, что стало особенно показательным после теракта 2001 г., и превратилось в лучшем случае в учредительную власть, означающую с точки зрения итальянского ученого в лучшем случае насилием, устанавливающим законы, в худшем – «свелась к простой способности совершать мелкие сделки с правом» [10, с. 137]. Агамбен, как и Деррида, Фуко выносит проблематику власти и право в плоскость этического.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
2. Агамбен Д. *Homo sacer*. Что остается после Освенцима. М.: Европа, 2012.
3. Лиотар Ж.-Ф. *Anima minima* // Кабинет. Психопсихология. Искусство. Философия. СПб.: Скифия, 2004. С. 62–100.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шмако. СПб.: Алетейя, 1998.
5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Минск: Красико-принт, 1996. 230 с.
6. Бодрийяр Ж. Америка. М.: Даль, 2000.
7. Foucault M. *Histoire de la sexualite*. La volonté de savoir. Paris: Gallimard, 1976.

8. Фуко М. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
10. Агамбен Д. Номо сасег. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011.

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОПАГАНДИСТСКИЕ
МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В СССР ПО ОГРАНИЧЕНИЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1954-1964 гг.)**

**ORGANIZATIONAL AND PROPAGANDA MEASURES
OF GOVERNMENT BODIES IN THE USSR TO RESTRICT
THE ACTIVITIES OF THE ORTHODOX CHURCH (1954-1964)**

И.И. Янушевич

I.I. Yanushevich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: ivan-jan@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос взаимоотношений государства и Русской православной церкви (РПЦ) во время правления Н.С. Хрущева. Установлено, что в указанный период имели место как резкие ограничительные меры по отношению к Церкви, так и непродолжительный отрезок терпимого отношения к ее существованию в 1955-1957 гг. Определено, что инициатором усиления антирелигиозной работы был первый секретарь ЦК КПСС и его ближайшее окружение. Проанализированы пропагандистские мероприятия властей и механизмы по введению дополнительных ограничительных мер по организации деятельности Православной церкви.

The article examines the issue of the relationship between the state and the Russian Orthodox Church (ROC) during the reign of N.S. Khrushchev. It was established that during that period there were both sharp restrictive measures in relation to the Church, and a short period of tolerant attitude towards its existence in 1955-1957. It was determined that the initiator of the strengthening of anti-religious work was the first secretary of the CPSU Central Committee and his closest circle. The author analyzes the propaganda activities of the authorities and mechanisms for the introduction of restrictive measures to organize the activities of the Orthodox Church.

Ключевые слова: Православная церковь; историческая память; антирелигиозная пропаганда; коммунистическая партия.